

ЕКАТЕРИНА
ГАМОВА



GAMEOVER

ВОЛЕЙБОЛ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Екатерина Гамова

**Game Over. Волейбол
продолжается**

«ЭКСМО»

2017

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Гамова Е. А.

Game Over. Волейбол продолжается / Е. А. Гамова —
«Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-98661-3

Екатерина Гамова – одна из величайших волейболисток в истории. В команду мастеров она попала в возрасте всего 14 лет, а вскоре уже дебютировала в сборной России. В активе Гамовой – победы на чемпионатах мира и Европы, а также две серебряные медали Олимпийских игр. Простое перечисление всех ее командных и индивидуальных достижений заняло бы площадь, существенно превышающую размер данной аннотации. В течение года после окончания карьеры волейболистка Екатерина Гамова успела побывать и телекомментатором, и тренером, и волейбольным чиновником. А еще – написала книгу. Причем книга эта – не только о спорте. Она повествует о богатстве и бедности. О любви и предательстве. О мгновениях счастья и муках разочарований. И это очень искренний рассказ.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-699-98661-3

© Гамова Е. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Введение	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	20
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Екатерина Гамова

Game Over

Волейбол продолжается

Во внутреннем оформлении книги использованы фотографии из личного архива автора, а также: © KIRILL KUDRYAVTSEV / AFP / East News; © Виталий Белоусов, Вячеслав Прокофьев / Фото ИТАР-ТАСС; © Максим Богодвид, Илья Питалев, Владимир Песня, Роман Кручинин, Григорий Сысоев / РИА Новости

© Гамова Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Введение

Владимир Можайцев

Екатерина Гамова – несомненно, лучшая волейболистка XXI века. Но ее значение для мирового спорта этим не исчерпывается. Потому что Гамова – это не просто удачно сложившаяся комбинация уникальных физических данных, таланта и трудолюбия.

Это – целая эпоха.

И дело не в ее многочисленных достижениях – и персональных, и командных. Просто пока на площадке была Гамова, ее команды ассоциировались исключительно с борьбой за чемпионство. Начиная от детского чемпионата Челябинской области и заканчивая Олимпийскими играми.

При этом нет, пожалуй, в мировом волейболе игрока, которому судьба «недодала» бы столь много, как ей. Олимпийской чемпионкой Гамова, к сожалению, так и не стала. Притом что ее команды два раза уступали в финалах, ведя со счетом 2:0. А на еще одной Олимпиаде, в Лондоне, российская сборная упустила 6 матчболов в поединке против будущих чемпионки – бразильянок.

Я не знаю, смогла бы наша национальная команда выступить в Рио-2016 лучше, если бы в ее составе была Гамова. Но точно знаю, что своей фантастической карьерой и всем тем, что она сделала для российского волейбола, она этот шанс заслужила.

С главным европейским клубным турниром – Лигой чемпионов – у Гамовой тоже долгое время не складывалось. Четыре раза команды Екатерины доходили до финала – и каждый раз уступали на тай-брейке! Ну что за «остров невезения» такой...

Кто другой давно опустил бы руки. Ну вот не дается трофей – и ладно. А Гамова взяла и выиграла. С пятой попытки. Да так, что ни намека на шанс соперницам не оставила. Кто знает, может, пятые Олимпийские игры стали бы для нее счастливыми?

Впрочем, как говорит сама Гамова, спортивная история не терпит сослагательного наклонения. И за это Екатерину хочется уважать еще больше. В ее карьере хватало судебных «убийств», тренерских ошибок, досадных травм. Но кивать на все эти обстоятельства она не любит. Хотя и не стесняется о них говорить.

В этом, кстати, тоже состоит уникальность Гамовой. Она не боится ничего и никого. Ни теней из прошлого, ни сильных мира сего в настоящем. В процессе совместной работы над этой книгой Екатерина честно переворачивала страницы своей жизни. Не стеснясь называть свои и чужие ошибки ошибками, а глупость – глупостью...

Гамова – это одновременно и сильный независимый человек, который не побоялся пойти наперекор системе, и хрупкая ранимая девушка, которая не всегда может сдерживать слезы при воспоминаниях о той или иной несправедливости. Это и целеустремленный боец, впечатывающий мячи в площадку соперниц поверх блока, и веселая озорница, готовая облить тренера водой или замотать его машину серпантином.

Екатерина – она очень живая. Это, наверное, ключевое определение. Она никогда не пряталась за обезличенные формулировки вроде «we play with heart». А честно делилась со мной и с читателями своими страхами и эмоциями.

Эта книга получилась немножко похожей на саму Екатерину. Со своими недостатками, с рваной хронологией, с хаотично скачущими мыслями. Это не волейбольный учебник, это не подведение итогов и не перечисление титулов, это даже не автобиография в классическом понимании.

Это сама жизнь. В том виде, в каком она Гамовой запомнилась.

Глава 1

Мама, мамочка, мамуля...

Эта рана в моей душе не заживала очень долго, шрам останется на всю жизнь. Уход мамы в октябре 2005 г. стал шоком и настоящим испытанием для меня.

За несколько лет до этого ей при игре в баскетбол случайно попали пальцем в глаз. Он долго не проходил, слезился, а со временем стал немного выпирать. Я заставляла ее обратиться к врачу, но доктора давали разные заключения, не предполагая чего-то серьезного.

Последнее время я настаивала на посещении разных специалистов, чтобы все-таки выяснить причину проблемы и решить ее. В итоге мама позвонила мне и сказала, что ей нужно лечь в стационар, пройти ряд капельниц и лечение. Но из-за аппаратуры в отделении всех больных просят отключить телефоны на время лечения, на несколько дней. Уже в тот момент она знала о своей опухоли слезной железы – и не сказала мне, что ложится на операцию, берегла меня.

Она не хотела, чтобы мы с тетей – ее сестрой – переживали, и поэтому решила ничего не говорить, а рассказать обо всем уже после операции...

Прошла пара дней, но телефон мамы продолжал быть вне зоны доступа. Я ничего не подозревала, но начала беспокоиться. В какой больнице лежит мама, не знала. У медсестры отделения были знакомые в «Уралочке» – и она очень удивлялась, что к маме Екатерины Гамовой никто не приходит, не интересуется ее состоянием. В итоге меня нашли через десять рук и сообщили, что мама в реанимации, после операции ее ввели в медицинскую кому.

Я позвонила тете Любе, мы связались с врачами. Наконец я узнала полную картину – но даже в тот момент мой мозг никак не принимал слово РАК. Я все равно продолжала думать, что ничего страшного, что все хорошо и вскоре маму выведут из этого состояния. Мы были на связи с врачами, состояние оставалось стабильным, но тяжелым. Доктора говорили, что мне не надо приезжать, потому что в реанимацию все равно не пустят. В то время я жила на «Соколе» и ездила на метро. Каждый день, когда возвращалась с тренировок, заходила в храм возле метро и просила Бога о маминем выздоровлении. Но в какой-то момент врачи мне сказали, что ее состояние ухудшилось...

Я перезвонила Зиничеву и сказала, что мне нужно срочно лететь в Екатеринбург. Зашла в метро – и тут до меня потихоньку стал доходить весь ужас ситуации. Я села на скамейку и начала плакать. Ко мне подошел какой-то молодой человек – стал меня успокаивать, протянул свой платок и сказал, что все будет хорошо...

Я прилетела в Екатеринбург, мы встретились с Любой и утром отправились в госпиталь. Мне кажется, уже в этот момент тетя знала, что мамы больше нет, но не смогла мне об этом сказать. Руководство московского «Динамо» связалось со своими коллегами из ФСБ в Екатеринбурге и попросили помочь. С нами был человек, и на его машине мы поехали в больницу.

Я помню, как мы поднимались по лестнице в отделение, как зашли в кабинет к врачу и он сказал:

– Вы, наверное, уже знаете, что вашей мамы больше нет.

Я сидела и не понимала. Не могла принять, что это говорят про МОЮ МАМУ. В голове крутилось, что в такой ситуации я должна заплакать, а плакать не хотелось – мозг отказывался принимать эти слова, смысл до меня не доходил. И только когда потекли слезы, я поняла, что произошло... Что мамы больше нет, что больше я никогда ее не увижу, не услышу и не обниму...

Мы вернулись домой, ко мне приехали мои подруги из «Уралочки». Я им очень благодарна, что в тот момент они были рядом. Все звонили, что-то говорили – а я все еще не могла поверить. Я находилась у окна и увидела, что во дворе стоит Огиенко. До этого момента между нами сохранялся холод после моего ухода из «Уралочки». Я попросила, чтобы она поднялась. Мы плакали, она пыталась объяснить, что ничего нельзя было изменить, что мама меня берегла и поэтому ничего не сказала.

А я говорила только о том, что можно было уехать в Москву, в Германию, в Израиль... Что если бы я знала, я никогда не разрешила бы маме делать такую операцию в Екатеринбург и предприняла бы все возможное, чтобы вылечить ее, но мне не дали такого шанса.

В какой-то момент встал вопрос, что может затянуться процедура выдачи тела мамы. Люба настаивала на похоронах на третий день. Мне было уже все равно. Только придя немного в себя, я поняла, почему Люба настаивала. Мамы не стало 13 октября, а 17-го у меня день рождения...

Валентина Витальевна включила все свои связи, за что я ей очень благодарна и никогда не забуду о ее помощи и поддержке в тот момент. И на следующий день мы уехали на похороны в Челябинск – две машины, легковая и «Газель» с надписью «груз 200».

Мы похоронили маму 15 октября. Я смотрела на незнакомую мне женщину в гробу и не находила никакого сходства с мамой. Все время ждала, что она зайдет в зал прощания и очень удивится всей этой церемонии, скажет, что это не она – и мы, счастливые, пойдем домой. Но нет. Помню ощущение холода, когда обнимала маму в последний раз...

Валентина Витальевна привезла на похороны всех девочек, которые знали и любили мою маму – тетю Ирочку, как они ее называли.

В здании ФСБ в Челябинске помогли организовать поминки, и я осталась в городе на девять дней. В клубе мне пошли навстречу, чтобы я пропустила тур и вернулась в Москву уже потом.

В день рождения ко мне неожиданно приехала Лена Василевская с супругом Игорешей. Мы никого не ждали – но это был как глоток воздуха, чтобы немного отвлечься. У Лены с моей мамой, кстати, дни рождения были в один день – 27 февраля.

Я все время ждала, что мама мне приснится, но это случилось всего один раз. Я увидела ее во сне с белыми, седыми волосами. Она выглядела грустной и ничего не говорила. Спустя несколько лет Насте Беликовой моя мама приснилась, когда у нее родилась дочка Лейла. Настя показывала ей своего ребенка и говорила:

– Тетя Ирочка, смотрите, у меня дочка родилась.

А мама улыбалась и отвечала ей:

– Я знаю.

Мама мне не снится, но я знаю, что она всегда рядом, она мой ангел-хранитель там, на небесах. Когда я приняла решение о завершении карьеры, то в ночь перед объявлением просила, чтобы она мне приснилась и сказала, что я все делаю правильно.

Проснувшись утром и поняв, что мама мне так и не приснилась, я начала нервничать и собираться на телеэфир. А потом, открыв календарь, увидела, что именно сегодня, 18 мая, именины у Ирины. Это был тот самый нужный для меня знак, чтобы больше ни секунды не сомневаться в правильности своего решения.

Я благодарна мамуле за свою жизнь, за то, что я появилась на свет – вопреки всему и несмотря ни на что.

Глава 2

Детство

В детстве я очень боялась темноты. Собственно, до сих пор не слишком комфортно чувствую себя в помещениях, где мало света. Одно из самых первых воспоминаний – поездка с моей двоюродной тетей в отпуск. Это была база отдыха в Челябинской области. Там вообще природа шикарная: много заповедников, есть куда поехать и «перезарядиться». Озера, леса, воздух чистый.

Мне было года два. Я и еще несколько детей жили в одной большой комнате. И когда выключался свет, тут же «включалась» я. Начинала рыдать. Но мои концерты всегда прерывал грозный голос из-за стенки: «А ну-ка быстро рот закрыла, всех перебудишь!» И если дома я еще могла себе позволить «повоевать» подобным манером, устроить забастовку и еще поплакать, то с тетей такие номера категорически не проходили. Мама очень удивлялась тому, как тетя умеет меня быстро успокаивать...

Вообще, чтобы в детстве вечером дойти из одной комнаты в другую, у меня была разработана целая сложная система. Шла на ощупь от выключателя к выключателю. Ну а если хотела ночью в туалет – терпела до утра... Когда было совсем не вмоготу – будила кого-нибудь, чтобы меня проводили.

Еще в детстве часто снился один и тот же страшный сон. Я от кого-то бегу, бегу и никак не могу убежать. Одна из вариаций этого сна – я еду на узком лифте. Он периодически останавливается на этажах, открывается, но снаружи угольная чернота, никаких ступенек или лестничных площадок. И я еду дальше – до тех пор, пока не просыпаюсь.

Ну а самое-самое первое мое воспоминание еще из яслей, куда меня отдали в возрасте восьми месяцев. Отлично вижу картинку: батут и большие окна...

Мама рассказывала: как-то воспитательница пришла в группу, а там все дети буквально стоят на ушах и ревут в голос. Сначала она даже не поняла, что произошло. А произошло вот что. Детишки все еще очень маленькие, а я уже тогда на их фоне выделялась ростом и имела возможность залезть на стол. Разумеется, я этой возможностью и воспользовалась. Получилась картинка маслом: все дети собрались вокруг и плачут. Им же завидно! А я, счастливая, довольная и гордая, лежу на этом столе, сучу ножками и балдею. Год мне был тогда примерно, не больше.

В детском саду с девочками не водилась, а всегда дружила с мальчиками. С ними как-то интереснее было играть. Прятки, салочки, еще что-то... Но, конечно, я при этом не дралась и не сражалась, хотя и была для них «своим парнем». Например, они все играли в войнушку, делились на «наших» и «фашистов». Ну а я была медсестрой. Мне мама даже сшила соответствующий наряд: фартук, косынку с красным крестом, белую сумку.

С нарядом медсестры связана еще одна история. Кто-то из мальчишек-сверстников сломал руку, и я ему жутко завидовала из-за гипса. Даже пыталась периодически оказывать «первую помощь» игрушечными шприцами из своей сумки. Гипс – это же так круто! Буквально предел мечтаний...

Вскоре убедилась в том, что желания материальны. И если чего-то очень хочешь, Вселенная обязательно тебе это «что-то» дает. Я полезла очищать от снега деревянный паровозик на детской площадке, поскользнулась, упала с него – и тоже сломала руку, получив таким образом свой вожделенный гипс. Воспитательница плакала, а я была в полном восторге. Когда рука чесалась, залезала внутрь повязки с помощью длинной спицы для вязания.

Еще мечтала о шраме после операции. Это тоже быстро сбылось: мне вырезали аппендицит... После этого до меня дошло наконец, что надо быть осторожнее со своими желаниями. Хотя, конечно, я и слов-то таких тогда не знала – «материализация», «Вселенная»...

В куклы, разумеется, тоже играла. Сохранилась одна из них – красивая, немецкая, размером с настоящего младенца, – которую мне мама вручила в день рождения на пять лет. Друзья нашей семьи тут же надарили мне детской одежды, из которой их ребенок уже вырос. Поэтому моя кукла была одета даже лучше, чем многие настоящие дети. Как-то я стояла с ней в автобусе, держала на руках, и воспитанные мальчики лет 13–14 уступили мне место. Я поначалу, конечно, удивилась, но мама сказала: «Раз уступили – садись».

Еще на один из дней рождений мама предлагала мне два подарка на выбор: либо очень красивую и яркую книгу о строении человека, персонажами которой являлись герои диснеевских мультфильмов, либо еще одну куклу. Я выбрала книгу, потому что... куклу эту давно уже нашла. И играла с ней тайком, когда мама была на работе. Ну а потом аккуратно заметала следы и клала ее на место, чтобы никто ничего не заподозрил. Ко дню рождения уже в нее наигралась... Мама об этом так и не узнала, и в итоге куклу подарили дочке друзей.

Из кубиков часто что-то строила – башни, замки. Ну и, конечно, как любой советский ребенок, обожала улицу. Загнать меня домой было невозможно. Летом бегала по двору, прыгала через резиночку. Зимой каталась с горки и на коньках.

Еще я очень любила рисовать. Все подряд. Природу, солнышко, принцесс... Мама с тетей всегда смеялись, что они с этим волейболом загубили во мне талант художника.

Когда чуть подросла – воровала с другими мальчишками и девчонками патиссоны из соседнего детского сада. Добычу ели сырой... Не то чтобы это очень вкусно – но зато настоящее приключение!

При этом я никогда не была ни хулиганкой, ни сложным и тяжелым ребенком. Наоборот, была управляемой и послушной. Наверное, отчасти это следствие того, что я занималась спортом. Потому что спорт не может не накладывать определенный отпечаток. Дисциплинированности, во всяком случае, он добавляет точно. Плюс банально нет времени на то, чтобы шастать вечерами по дворам и тусоваться с какой-нибудь плохой компанией.

Самого близкого друга или подруги у меня в детстве не было. Просто компания ребят со двора. И сейчас даже не знаю, как у кого сложилась судьба, отношений ни с кем не сохранила. Близкие друзья появились в моей жизни уже гораздо позже.

* * *

Мячик впервые в руки взяла для игры в «бортики». Смысл ее в том, что надо точно и сильно бросать обычный резиновый мяч в бордюр. Если он к тебе после этого просто откатится – ничего интересного, обычный «рабочий» бросок. За него давалось десять очков. Самым шиком в этой игре считалось, когда он по высокой дуге прилетал к тебе обратно в руки... Тогда это сразу сто очков.

Жили мы сначала вчетвером: я, мама, тетя и бабушка. Потом с мамой переехали в комнату в коммунальной квартире. Но вскоре этот дом снесли, и нам выделили отдельную квартиру. Впрочем, там я почти не жила. Мама должна была уходить на завод очень рано, поэтому всем удобнее было, чтобы в школу меня собирали тетя с бабушкой. Плюс из их квартиры мне было ближе ездить на тренировки. И лет в 12 я переехала к ним. Ну а мама каждый день после работы приходила и помогала мне делать уроки.

Никто в моей женской семье никогда не воспитывал меня с помощью ремня. Разок мама захотела отшлепать – не вспомню уже, что именно я натворила, – и это вызвало у меня не страх, а смех. Мол, как так: мама – и вдруг будет меня шлепать? Смешно же... Так мамина попытка ничем и не закончилась. А один раз я чем-то серьезно довела тетю, и она стукнула

меня шнуром от утюга. После чего сама очень долго плакала, когда я уснула, потому что увидела след от шнура...

За двойки и тройки тоже никто особенно не ругал. Мама просто всегда говорила в таком случае:

– Катя, ты можешь в принципе не учиться. Например, для того чтобы стать хорошим маляром, тебе с твоим ростом даже стремянка не нужна.

...Какими-то домашними обязанностями меня также не перегружали. То есть не было такого, что я к приходу мамы должна обязательно надраить всю квартиру, ужин приготовить, да еще и уроки сделать. В этом смысле детство у меня проходило довольно беззаботно.

Хотя готовить я любила. Свою первую яичницу сотворила в первом классе. Мы тогда как раз жили с мамой в коммуналке, и правильно зажечь общую газовую плиту было настоящей наукой. Открыть вентиль с газом, с правильной стороны поднести горящую спичку к конфорке и при этом не обжечься...

Вообще с этой коммуналкой связаны теплые воспоминания. Хотя дом, где она находилась, даже домом нельзя назвать в полном смысле этого слова – скорее, обычный барак. В нашей квартире жило три семьи, и все истории про дикую вражду соседей в коммуналках совершенно точно не про нас. Наоборот, все готовы были друг другу помочь чем угодно. Например, когда возникали какие-то сложные ситуации, и меня не с кем было оставить ночью, соседка, которая была воспитательницей в детском саду, брала меня с собой на работу в ночную смену. Дети из других семей, правда, были постарше, чем я. Поэтому мы с ними особенно не играли. Но при этом я всегда могла рассчитывать на их защиту во дворе.

Хотя защищать было практически не от кого. В те времена, в начале и середине 80-х, можно было спокойно отправить маленького ребенка с деньгами в ладошке за хлебом или молоком. И никто бы его не тронул.

Собственно, в детстве у меня была одна-единственная ситуация, когда я по-настоящему испугалась. Мы с мамой в это время уже жили в новом доме, на десятом этаже. Так получилось, что лифт не работал – впрочем, это случалось довольно часто. Я пришла из школы, стала подниматься по лестнице и увидела, что сверху молча спускаются несколько парней. Не знаю, что навело меня на эту мысль, но мне показалось, что намерения у них не самые лучшие.

Стало очень страшно. Я побежала вниз, а снизу ко мне навстречу шли еще парни. То есть они стали окружать меня с двух сторон. В панике принялась звонить и колотить во все двери подряд. Но никто не вышел и не отозвался: рабочий район, времени примерно час дня, и поэтому дома никого нет.

Стало уже совсем жутко, когда к этой группе людей присоединился еще один и сказал: «Это не она». А потом обратился ко мне: «Давай иди, не бойся, мы тебя не тронем». Но я так перепугалась, что пулей слетела вниз по лестнице и до шести вечера гуляла во дворе, пока мама не вернулась домой.

С неработающим лифтом связан еще один эпизод, когда я находилась в серьезной опасности. Я была еще совсем маленькой. У меня поднялась температура, мама вызвала «Скорую». Доктор меня осмотрел – вроде ничего страшного. Поставил жаропонижающий или еще какой-то укол и ушел. И в этот момент я стала буквально синеть. У меня начались судороги...

К счастью, лифт не работал, и медицинская бригада спускалась пешком. Мама кинулась бегом за ними и догнала уже на улице, возле машины. Доктор – а он был очень маленького роста, плотненький такой – потом рассказывал медсестрам: «Девочки, вы бы видели, как я взлетел на девятый этаж...»

В итоге меня погрузили в «Скорую», отвезли в больницу и долго там держали. День, два, три – температура не спадает. Врачи никак не могли поставить диагноз.

А там работала одна нянечка – страшная матерщинница. Мама с ней как-то разговори-лась – мол, уже целый консилиум докторский собрали, а все равно понять никто ничего не может. А эта нянечка на меня одним глазом глянула и тут же маме выдала мощную тираду:

– Трам-там-там, зови скорее Львовича!

Львович – это как раз был тот маленький доктор, который меня привез в больницу. Нянька ему:

– Эх вы, консилиум, трам-тарам-там. У ребенка же просто зубы режутся!

Выяснилось, что у меня действительно резались зубы, чего в этом возрасте еще быть не должно. Отсюда и температура, и судороги.

Спустя много лет мы с мамой переходили дорогу, и рядом остановилась машина «Ско-рой помощи». Из нее вылез Львович и сказал:

– Знаете, я теперь с трех месяцев у детей всегда проверяю зубки. Но таких уникальных случаев, как у вас, в моей практике все равно больше не было.

* * *

Наша комната в коммуналке была очень удобно расположена. Ее окна выходили прямо на школу. И несколько раз было видно, что детей у крыльца разворачивают и внутрь не пускают. «Ага, или отопление прорвало, или еще что-то. В любом случае в школу можно не ходить»...

Волейболом я стала заниматься с «подачи» тети, которая в то время играла за местную команду ветеранов. Я проводила с ней в зале много времени, даже ездила с этой сборной на городские и областные соревнования. На одном из турниров тетю признали лучшим игроком и подарили в качестве приза лыжи. Разумеется, они достались мне! Я была в тот момент самым счастливым ребенком на свете, потому что в школе мне как раз позарез требовались лыжи. Конечно, они были чуть-чуть великоваты. Но поскольку я всегда была очень высокой, особенного дискомфорта от этого обстоятельства не испытывала. Гораздо лучше иметь такие крутые лыжи, пусть и длинные, чем не иметь никаких.

Конечно, из-за роста без дразнилок в мой адрес в детстве не обходилось. Причем нача-лось это довольно поздно. В начальной школе меня обзывали редко и то без какой-то зло-сти особенной – обычно Спичкой. А потом, когда я перешла в школу, где занимались дети, играющие в волейбол на серьезном уровне, там вот уже стало сложно. Примерно в 7–8-м классе пришлось через это пройти. Ту школу № 71 я буквально ненавидела. Кстати, Настя Беликова, которая на год меня старше, тоже ходила в это учебное заведение и испытывала по отношению к ней аналогичные эмоции...

Ученики в этой школе были в большинстве своем из частного сектора. И как-то все одновременно наложилось: переходный возраст, насмешки, отсутствие друзей, невозмож-ность нормально одеться...

Волейбольная команда там уже сложилась, а я была новичком. Конечно, меня воспри-нимали в штыки. В какой-то момент даже решила бросить все это дело. Я была в спортла-гере, отношения со сверстницами по-прежнему не складывались. И когда ко мне приехала мама, я стала плакать: «Пожалуйста, забери меня отсюда, больше не хочу!» Но она как-то смогла уговорить меня потерпеть, и я осталась. А потом через несколько дней весь наш воз-раст отправили на следующий сбор в другой лагерь – который, к слову, по удобствам и ком-форту сильно уступал нашему, – а меня и еще одну девочку оставили тренироваться с более старшим возрастом. И с ними никаких проблем уже не возникало. Мы для них были эдакие младшие сестры-малявочки. Конкуренток они в нас не видели – так, просто милые детишки тренируются вместе с нами. Прикольно, почему бы нет? Ну а нам, конечно, сначала было страшновато тренироваться со старшими – но и очень интересно тоже.

Новая школа располагалась неподалеку от нашего волейбольного центра, и поэтому с директором договаривались об отдельном расписании для нас. Например, уроков труда у игроков команды вообще не было. А первыми уроками нам часто ставили физкультуру. На которую мы, конечно, не ходили, поскольку посещали утренние тренировки, а подтягивались уроку к третьему.

Когда я уже стала игроком молодежной сборной, то мой статус в этой ненавистой школе сильно изменился. Насмешничать уже никто не пытался. Ну, собственно, я одноклассников вообще перестала видеть, потому что в старшей школе занималась по индивидуальной программе, а с ними пересекалась только на экзаменах. Все меня разглядывали с удивлением, поскольку знали, что я с ними учусь, но никто со мной не был знаком. Мальчики на экзаменах начинали проявлять знаки внимания – предлагали ластик, карандаш, линейки... Но мне на это, честно говоря, было наплевать. Куда важнее было сдать экзамены. Не то чтобы я экзаменов боялась, но волнение, конечно, присутствовало.

* * *

А свой «первый раз в первый класс», если честно, вообще не помню. При этом ходить туда мне очень нравилось. Особенно в начальную школу, № 37. У нас была замечательная учительница – Бекишева Людмила Александровна. Между прочим, она являлась одноклассницей моей тети. Разумеется, мама хотела устроить меня именно к ней.

Это было, кстати, не слишком просто. Первоклассников в Челябинске всегда много. Поэтому директора не хотели брать детей, родившихся позже 1 сентября. А у меня день рождения – 17 октября, то есть на момент «поступления» было 6 лет, а не 7. Но поскольку я была очень высокой девочкой, мама просила директрису все-таки взять меня в школу, чтобы не терять целый год.

Людмила Александровна сказала, что в любом случае постарается взять меня именно в свой класс. Даже если распределят в какой-то другой. Но ни о чем даже договариваться дополнительно не пришлось – я попала именно к ней.

Помню, у нас в классе училась девочка, у которой было еще две сестры. А у Людмилы Александровны было три сына. И мы в детстве все время шутили, что ей нужно поменять одного из сыновей на одну из девочек, чтобы как-то разбавить обе семьи. А то ведь если одни мальчишки и девчонки – это же, наверное, неинтересно.

5-й и 6-й класс я отучилась в школе № 59. Об этом времени тоже много хороших воспоминаний. Класс у нас был по-настоящему дружный. Родители постоянно помогали проводить какие-то экскурсии, праздники... Еще была супружеская пара учителей, которые стали нашими классными руководителями в средней школе. И им очень нравилось все время что-то организовывать на свежем воздухе в выходные. Неподалеку от дома, где жили мы с мамой, есть очень красивое озеро – называется Первое озеро. И зимой мы туда часто ходили кататься на лыжах, а летом – на лодках.

Еще в теплое время года мы ходили в походы. Лазали по каким-то веревкам, учились разводить костры... Однажды, кстати, чуть ли не до смерти перепугали родителей. Поехали целым классом плюс учителя, несколько мам и пап. И опоздали на обратную электричку. На остановке, где нас должны были встречать, вовремя не появились. А сотовых телефонов тогда ни у кого не водилось...

Когда мы все-таки приехали, родители, пребывавшие в состоянии легкого шока и паники, быстренько расхватили замерзших и мокрых детей и дома потом заставили их долго отмокать в горячих ваннах.

В моем классе в начальной школе было человек 30. Ну, собственно, не только в моем – везде такая же история. Больше всех я дружила с одной полненькой девочкой. И у нас

получился очень боевой тандем. Если кто-то из мальчишек называл одну из нас «Спичка» или «Толстая», мы вдвоем зажимали его в уголке и начинали мутузить. Понятно, что сильно ударить не могли, но все-таки пытались всегда за себя стоять. Хотя в принципе я была совершенно не драчливой.

Правда, был еще период, когда надо мной подтрунивали несколько старшеклассниц. Я училась еще в начальной школе, а они были уже классе в восьмом или девятом. Они меня доставали-доставали, и в какой-то момент чаша терпения переполнилась. Мы с моей толстененькой подружкой пошли на этаж, где они учились. На «разборки». Старшеклассницы стояли у окна и о чем-то болтали. Я подошла, отвесила ближайшей из них пенделя, и мы убежали. Больше меня никто не обзывал и не трогал...

А когда подросла, порой очень хотелось надавать по голове всей сборной Бразилии. И еще – китайскому тренеру с непроизносимыми именем и фамилией Чжунхэ Чэнь, который в 2004 году обыграл нас в финале Олимпиады в Афинах. Очень уж он раздражал меня тем, что все время смеялся и улыбался... Может, дело не конкретно в нем, а все китайские тренеры такие?

Какой-то первой детской школьной любви у меня не было. Конечно, болтала с мальчишками, они как-то проявляли свое внимание, но всерьез я это никогда не воспринимала.

* * *

Самых любимых и самых нелюбимых предметов тоже не было. Мне просто нравилось учиться. И в начальной школе были сплошные пятерки и четверки, и с пятого по седьмой класс тоже все складывалось хорошо. Потом, конечно, когда у меня уже начался режим «две тренировки в день», учиться стало тяжелее. Плюс разъезды добавились... Понятно, что когда ты пропускаешь какие-то уроки, сразу по возвращении с соревнований «включиться» в любой школьный предмет непросто. Но я к этому спокойно относилась. Просто старалась как можно скорее наверстать пропущенные куски программы.

Ну а после девятого класса я уже стала играть за команду мастеров. И программу 10-го и 11-го классов сдавала отдельно. После тренировок занималась с учителями индивидуально. У меня был месяц алгебры и геометрии, месяц русского и литературы, месяц истории... То есть за месяц проходила всю программу по тому или иному предмету. И мне это очень нравилось. Гораздо комфортнее, чем сидеть в классе вместе во всеми. Вообще в какой-то момент мне стало понятно: я способна учиться на круглые пятерки, если заниматься полноценно и не выпадать из процесса на месяц-другой из-за сборов и соревнований.

Что ж, могу точно сказать: я не математик. Поначалу физику и химию тоже не любила. Гуманитарные науки мне все-таки ближе. Биология при этом очень нравилась...

Но в технике разбираюсь очень неплохо. Для меня в детстве не было проблемой что-то собрать или даже починить. Это в современных телевизорах иногда непонятно даже, как каналы переключать. А тогда спокойно могла поменять сгоревший предохранитель. Даже когда была совсем маленькой, знала, где эта штучка находится. И если телевизор ломался, пыталась разобраться с возникшей трудностью самостоятельно.

С иностранными языками возникали сложности. Но не по моей вине. В 90-е годы учителям зарплату не платили... И, например, целый год у нас вообще не было уроков английского языка. Нас просто загоняли в класс, и мы делали домашние задания по другим предметам. Потом был период, когда английский нам преподавал... учитель немецкого. В общем, потерянное время. Хотя в другой школе, например, у нас «англичанка» была замечательная и классная. Я сразу добилась хорошего прогресса – даже могла книжки читать на английском.

Ну и уроки физкультуры всегда любила, конечно. Зимой мы катались на лыжах, летом бегали и прыгали. В волейбольную секцию при этом стала ходить с третьего класса. И когда

мне вырезали аппендицит и, разумеется, строго ограничили физическую нагрузку, я на физкультуру не ходила, а вот на тренировки все равно бегала.

Росла я всю жизнь равномерно. Каких-то скачков не было. Сколько себя помню – всегда выше всех сверстниц. Когда нас фотографировали, то сначала меня ставили с краю, потом – рядом с воспитательницей, чтобы не было слишком большого контраста. В школе точно такая же история.

* * *

Разумеется, пробовали меня отдать и в гандбол, и в баскетбол. В том спортклубе, где работала тренером по волейболу тетя, была также и баскетбольная секция – в которой, кстати, занималась моя мама, – и гандбольная. И оба других наставника – и баскетбольный, и гандбольный – настойчиво пытались перетащить меня к себе. Тянули каждый на себя, словно я одеяло... Тренерша по баскетболу меня нахваливала и говорила что-то вроде: «Ну она же прирожденная баскетболистка, у нее все данные!» «Гандболист» отвечал: «Нет, в гандболе ей будет проще и интереснее, у нее получится гораздо лучше, чем в вашем баскетболе...»

Когда в 11 лет я перешла в другую школу, то попала в класс с гандбольным уклоном. Правда, в тот момент уже плотно занималась волейболом и менять его ни на что не хотела. Но хотя бы на одну гандбольную тренировку должна была сходить... Особенно на меня никто не наседал, но физрук все равно настоятельно просил посетить занятие по ручному мячу. А вдруг понравится и получится?

Сходила. Не понравилось категорически. Пока еще бегали, разминались с теннисными мячиками – все нормально. Но когда девчонки принялись друг друга лупить, щипать, хватать за футболки и за волосы, тут же сказала: «Нет, спасибо, это мне как-то совсем не близко. Какие-то тут все слишком отчаянные». Причем это ведь всего лишь тренировка, все свои, а на играх они мутузили соперниц еще сильнее...

Я за девчонок болела с трибуны, и на трибуне мне нравилось быть гораздо больше, чем в гуще гандбольных событий. Даже мячик этот маленький в руках не подержала ни разу. И так все было ясно: не мое.

Баскетбольная наставница тем временем продолжала очень упорно зазывать к себе, но я столь ж упорно держала оборону. Мол, сходила уже на гандбол, и этого для меня более чем достаточно.

При этом тетя на меня с выбором не давила совершенно. Говорила: выбирай сама, что тебе нравится. Я ее потом спрашивала:

– А ты не боялась, что я променяю волейбол на что-то другое?

Она в ответ смеялась.

– Нет, была уверена, что тебе вся эта толкотня не понравится.

...Меня часто спрашивают журналисты: «В каком возрасте поняли, что волейбол станет вашей профессией?» Я в шутку отвечаю: «Только сейчас, когда карьера уже закончена». Ну а если серьезно, то у меня в детстве совершенно точно не было далеко идущих планов, связанных со спортом. То есть в 10–13 лет даже мыслей никогда не возникало, что меня возьмут в сборную России, что буду завоевывать медали чемпионатов Европы, мира и Олимпийских игр. Я перед собой всегда ставила куда более постепенные и поэтапные цели.

Сначала хотела попасть в команду мастеров. Потом, когда это случилось, – чтобы мне пришел вызов в юношескую сборную. После этого задумалась о первой сборной... И лет в 18, когда приехала в «Уралочку», стало окончательно понятно, что волейбол в моей жизни всерьез и надолго. Но при этом я никогда не воспринимала себя как «звезду», как «волей-

большую надежду». Мне и мама с тетей всегда твердили: «Главное – не зазнаваться. Потому что подняться можно легко и быстро, а падать можно еще быстрее и очень больно».

Кстати, по поводу «надежды волейбола» был смешной момент. Тетя рассказывала, что когда меня впервые увидел на тренировке директор СДЮШОР, в которую я впоследствии перешла к тренеру Суровой, он вообще ничего ей не сказал. А только поплевал три раза через левое плечо и постучал по чему-то деревянному... Ну то, что задатки у меня хорошие, было видно, в общем, довольно рано.

* * *

А вот в диагональ меня, кстати, поставили довольно поздно. В детстве играла на позиции центральной блокирующей. Когда перешла уже к Николаю Михайловичу Сорогину, во взрослую команду мастеров «Метар», то он меня тоже видел первым темпом. И только в молодежной сборной России меня стали переучивать на волейболистку четвертой зоны. Конечно, это доставляло поначалу определенные неудобства. Но в принципе мне нравилось много атаковать, и переход этот дался без особых проблем. А когда уже перешла к Карполю, он сразу сказал, как отрезал: «Я тебе не вижу центральным игроком. Будешь играть в четвертой зоне». И все, с тех пор я блокирующей больше не была.

Собственно, профессиональной волейболисткой я стала в 14 лет. Сорогин решил, что дальше играть в детской команде мне смысла больше нет, и забрал к себе в клуб. В моей трудовой книжке первая запись выглядит так: «3 января 1995 года принята на должность спортсмена-инструктора в команду «Метар» города Челябинск». Забавно, что у моего супруга день рождения тоже 3 января. Часто шутим с ним по этому поводу...

Вместе с мамой подписали первый самый настоящий контракт. Размер зарплаты сейчас не вспомню, тем более что тогда рубль постоянно девальвировался, но деньги эти нашей семье пришлось, что называется, «впору». 90-е были очень трудным временем.

Мама почти всю жизнь проработала на Челябинском тракторном заводе, где являлась начальником планово-диспетчерского бюро. Должность по советским временам очень хорошая. То есть в детстве никакой нужды мы не испытывали, я всегда была обуто-одета и вкусно накормлена, летом меня отправляли отдыхать. На море, в Лазаревское. В челябинские пансионаты, где мы с мамой кормили белок, собирали грибы и ягоды. Иногда мне не очень нравилась еда в домах отдыха – ягоды ела куда с большим удовольствием...

В детстве очень любила купаться. Вытащить меня из воды было невозможно. Еще с другими ребятами в этих пансионатах и домах отдыха ходили ловить раков. Понятно, что раколовки нам никто из взрослых не доверял – это была недоступная роскошь. Наш способ был примитивнее и, конечно, не такой «уловистый». Мы привязывали алюминиевую вилку с двумя отогнутыми зубцами к длинной палке и получившейся рогаткой протыкали и вытаскивали ползавшую по дну добычу.

Рыбачить, кстати, в детстве особенно не получалось. В тех же домах отдыха ловили, конечно, со сверстниками каких-то малюсеньких ершиков и карасиков. Удочек у нас не было – так, палка с леской и крючком. Вот во «взрослой» жизни с мужем несколько раз ездила на настоящую рыбалку, но мне мужчины доверяли только шумовкой выковыривать лед из лунок. Помню, в какую-то сетку мне попался маленький шуренок, и я очень обрадовалась. Первая пойманная щука в жизни! А Миша тут же стал кричать, чтобы я этого малька скорее отпустила...

Еще супруг всегда спасает раков. Когда мы ездим с друзьями на Селигер – у нас там собирается большая компания, мы даже проводим ежегодный любительский теннисный турнир, – то регулярно на берегу озера варим раков. А Миша обязательно выбирает из числа

пойманных трех-четырех, относит их на берег и кричит: «Бегите, спасайтесь!» Они его обычно не слушают и не понимают, что должны ползти к воде.

Со временем я сама, кстати, к воде, что называется, поостыла. Сейчас за весь отпуск если пару раз супругу получается загнать меня в море – и то хорошо. И то я особенно не плаваю – так, окунуться и скорее на берег... Не что чтобы боюсь воды, но она доставляет мне какой-то дискомфорт, особенно вечерами, когда темно и ничего не видно.

Еще в детстве как-то раз ездила летом в Среднюю Азию. И если у всех московских детей есть фото из зоопарка на пони, то у меня есть фото на осле. Перед тем как сделать снимок, мне надели корону, фату. Рядом мама счастливая... Еще там были очень вкусные шашлыки за 50 копеек. Наш пансионат находился где-то наверху, а вниз к большому рынку вела огромная лестница. Ступенек сто, если не больше. И мы, дети, бегали по этой лестнице наперегонки, чтобы занять очередь за шашлыками.

* * *

С развалом Союза и началом перестройки наша благополучная жизнь кончилась. Вообще, всем в одночасье стало очень трудно. На заводе перестали платить зарплату – он вообще почти не функционировал. Все в Челябинске перебивались тем, чем помогали родственники, имевшие собственные огороды. А маме как-то продали по спецзаказу на заводе большую упаковку с «окорочками Буша», и мы этими куриными ножками питались всю зиму. Еще помню, как слегка разбавляли водой сухое молоко из наборов гуманитарной помощи, и получалось что-то вроде сгущенки. Хотя, конечно, далеко не так вкусно, как сгущенка настоящая.

Вообще в детстве я ела мало, всегда была худенькой. Сорогин, когда взял меня в «Метар», все время шутил: «Сначала ты от мяча отлетала, а к концу сезона уже мячик стал от тебя отлетать».

Не то чтобы у меня был плохой аппетит – просто какие-то блюда я терпеть не могла. С самого детства. Мама относилась к этому с пониманием и даже просила воспитателей в детском саду не заставлять меня есть, если я сама не хочу. О супе с молочной пенкой из детской жизни до сих пор вспоминаю с содроганием.

Вообще для меня в еде на первом плане – ее внешний вид. Если она не вызывает эстетического удовольствия, значит, я никакого удовольствия от нее не получу. Даже пробовать не стану. Вот мамины и бабушкины пельмени и чебуреки – они и выглядели классно, и на вкус – объедение! При этом проблема была в том, что бабушка в отличие от мамы и тети всегда заставляла меня есть. Даже тогда, когда я не хотела и пыталась отказаться. Впрочем, я брала бабушку хитростью. Она звала меня обедать или ужинать, а я ей всегда говорила, что надо дожидаться маму с тетей. Мол, они скоро придут с работы голодные, и им гораздо приятнее поесть вместе с нами. Знала: мама с тетей за меня в этом вопросе заступятся...

Плюс я научилась очень ловко надувать живот и всегда демонстрировала бабушке это умение, когда она пыталась запихнуть в меня добавку. Говорила ей: «Смотри, у меня уже пупок вылез почти, может лопнуть».

Когда наступили тяжелые времена, то с голоду мы, конечно, не пухли, но пояса подтянуть пришлось. Какое-нибудь мясо купить по тем временам было практически нереально. Но особенно трудно было с одеждой. Тем более я же очень нестандартный ребенок: детские вещи мне малы, а взрослые – велики. Приходилось как-то выкручиваться. Меня это, если честно, особенно не напрягало. А вот мама расстраивалась, конечно. Плакала и хваталась за голову. Она же привыкла к тому, что ее ребенок должен быть хорошо одет и обут... К счастью, она очень хорошо шила. Многие вещи кроила сама. Например, мои «хоум мейд»

джинсы были такие же крутые, как магазинные... Как раз в школе отменили единую форму и можно было ходить в чем угодно.

Не то чтобы у меня был какой-то «стиль» в одежде – не до стиля было в те времена. Но все равно мы всегда старались, чтобы вещи сочетались друг с другом. Помню, когда мне было лет пять, меня попыталась одеть бабушка, и я закатила жуткую истерику. Бабушка пошла жаловаться маме, а та за меня заступилась: «Ну конечно, ты же ребенка хочешь одеть как светофор, вот она и плачет». То есть какое-то понимание того, что нельзя натянуть на себя одновременно все, что у тебя есть в гардеробе, и к тому же разных цветов, у меня было всегда.

С обувью тоже часто возникали проблемы. Очень переживала, когда после одной из тренировок у меня в раздевалке украли «дутые» китайские сапоги. На улице зима, до дома ехать полтора или два часа. Не босиком же? Девочка-подружка пошла домой и принесла мне огромные то ли валенки, то ли ботинки своего папы.

В итоге я два дня сидела дома: не в чем было ходить в школу и на тренировки. Мама пыталась что-то купить, а купить было особенно нечего... Как-то выкрутились в итоге, что-то нашли.

Что до прически, то тут стиль у меня был очень простой. Всегда носила длинные волосы и заплетала их в косичку. Причем ее должно было «хватить» на целый день, поэтому мама затягивала до «китайского» состояния, то есть настолько туго, что глаза растягивались в две узкие щелочки... Спала тоже с косичкой, чтобы волосы не путались, но, конечно, уже со слабо заплетенной.

Лет в 13 впервые сделала себе очень короткую стрижку. И это было настоящее счастье! Ощущение какой-то легкости, воздушности... Мне очень нравилось ходить по улице и трясти головой, чтобы свежий ветерок обдувал ее со всех сторон. Но через несколько месяцев снова решила отрастить волосы. И до сих пор часто хожу либо с косой, либо с хвостиком.

В «Уралочке» «законодательницами мод» были Таня Грачева, Лена Василевская и Лиза Тищенко. Да вообще наряжаться все девчонки любили. В какой-то момент, лет в 19–20, все молодые игроки «Уралочки» ходили в банданах. Наряд обычно дополняли тяжелые ботинки типа «гриндерсов» или «Доктор Мартенс» и короткая майка – чтобы был виден накачанный пресс. У меня еще была цепочка, которую я носила вокруг талии на голом животе. Мне казалось, что круче и лучше выглядеть уже просто нельзя...

В этом наряде – с банданой, цепочкой, голым пупком – меня как-то увидел Карполь. Подозвал доктора «Уралочки» и сборной России – Юрия Васильевича Мамаева:

– Что-то Катя у нас плохо выглядит.

Я честно не поняла и очень удивилась. Мне казалось, выгляжу потрясающе!

– Чтобы эту цепочку больше не видел, – отчеканил Карполь.

И увы, с моим крутым образом пришлось расстаться. Ну то есть как – расстаться... На дискотеки я цепочкой все равно опоясывалась. А еще приклеивала на живот наклейки-татуировки. Чаще всего красивых бабочек...

А вот пионерский галстук никогда особенно не любила, хотя его тоже можно было теоретически использовать как бандану или косынку. В пионеры меня приняли в третьем классе. Делали все, что полагается: собирали макулатуру, выпускали стенгазету. А года через полтора нам сказали, что пионерской организации теперь не существует. И у всех была очень большая радость, что можно больше не носить галстук. Не из-за каких-то «политических» соображений, а просто мороки с ним было очень много. Все время он пачкался, мялся...

* * *

Когда я стала профессиональной спортсменкой, мама ушла с завода. Во-первых, зарплату ей все равно не платили, а во-вторых, того, что я зарабатывала, хватало на достойную жизнь. Только в этот момент смогли вздохнуть с облегчением...

Конечно, мамы мне очень не хватает.

Тетя работала тренером волейбольной команды. Собственно, занимается этим и по сей день – в СДЮШОР «Юность-Метар». Бабушка сначала трудилась на том же заводе ЧТЗ, что и мама. Причем пошла туда в 15-летнем возрасте, во время Великой Отечественной войны. Рассказывала, что на работу ходила босиком – обуться было не во что. А потом как-то увидела мои «гриндерсы» и узнала их цену. Сказала: «Нам такие в литейном цеху бесплатно выдавали».

Потом бабушка работала гардеробщицей в Доме культуры ЧТЗ – помню, я ходила туда в детстве на елку... Еще мне очень нравилось сидеть с ней до третьего звонка в гардеробной и наблюдать за сдающими одежду. Мне вообще всегда нравилось изучать людей. Они все такие разные, за каждым – своя история... Кстати, что касается спектаклей, мама в детстве постоянно ходила со мной в кукольный театр. Поэтому, когда нас уже в школе туда водили на представления, мне было не слишком интересно.

Еще бабушка работала на проходной хлебзавода. Вот это было самое крутое для меня время, поскольку я могла когда угодно заявиться к ней на работу и съесть горячий бублик.

Собственно, по большому счету мое детство закончилось очень рано – в 14 лет, когда я стала получать зарплату за то, что играю в волейбол.

Глава 3 «Метар»

Первый вызов в молодежную сборную от меня в «Метаре»... утаили. Все прекрасно понимали, что если я поеду на сборы этой команды, то клуб с огромной вероятностью меня потеряет. Мне было 16 лет, я об этом узнала уже постфактум. Конечно, очень расстроилась. Потом пришел еще один вызов – на квалификацию к чемпионату Европы. Очень хорошо помню, как Сорогин построил всю нашу команду перед началом тренировки и трагическим голосом объявил:

– Стучилось страшное...

Все в панике начали перешептываться: «Что, умер кто-то, что случилось?»

Сорогин выдержал мхатовскую паузу и продолжил:

– Катю вызвали в сборную.

Так я узнала, что попала в молодежную команду. Конечно, радость огромная. Попробовать себя на новом уровне, сравнить себя с лучшими волейболистками страны твоего возраста... Здорово! Плюс форма сборной. Это по тем временам считалось нереальной крутизной. У меня была подружка Олеся Макарова, которая играла за команду из Самары, и мы как-то приехали туда на очередной тур чемпионата. Пошли гулять по Самаре, и помню свое впечатление, когда она мимо нас буквально проплыла, словно Царевна Лебедь, в костюме с надписью «Россия». А тут и мне должны выдать такой же...

Молодежка базировалась в Свердловске – это двести километров от Челябинска. И меня возили туда на клубной «Газели».

Самое первое знакомство со сборной получилось забавным. Меня привезли в пансионат, где жила команда. Собственно, там жили все игроки «Уралочки», у которых не было своих квартир. Конечно, когда ты попадаешь в мир, где никого не знаешь, это поначалу вызывает определенный дискомфорт. Но мне повезло: за год или два до этого в екатеринбургский клуб перешла Настя Беликова из «Метара». Собственно, она прошла тем же маршрутом, что и я – сначала молодежная сборная, потом «Уралочка».

Хорошо помню: вот я захожу в этот пансионат, иду по какому-то коридору... И тут на меня буквально выпрыгивает из-за угла Настя. Хватает за руку, тащит в общую столовую и начинает кричать:

– Скажи им! Скажи!

Я в легком шоке. Что сказать? Кому?

– Скажи им, что у нас в Челябинске продается томатное мороженое!

А оно действительно продавалось. Нормальное такое, сладкое. Ну а Насте никто не верил, все смеялись: «Как так, мороженое из помидоров? Ну бред же...»

Собственно, мне потом тоже никто их друзей не верил. Кстати, году в 2010 примерно его снова стали выпускать. Так что все, кто считает меня обманщицей, – добро пожаловать в Челябинск...

* * *

На первой же тренировке молодежи мне сразу объявили: «Играла первым темпом? Молодец. А теперь иди в четвертую зону, будешь атаковать с высоких передач».

Конечно, когда ты всю жизнь играл быстро, а тут мяч к тебе летит так долго и медленно, что ты не знаешь, долетит ли он вообще, – приспособиться поначалу непросто. Но, как я уже писала выше, адаптировалась довольно скоро. Тем более что атмосфера в команде сложилась

очень хорошая, психологически мне было легко. Со многими девчонками была знакома еще по детским соревнованиям. С некоторыми из них, кстати, до сих пор дружим.

Какой-то глобальной конкуренции в молодежке не было. Никаких «подлянок» никто друг другу не устраивал – наоборот, старались по максимуму поддерживать. Почти все попали в итоговую заявку на чемпионат Европы. Приезжих, кроме меня, можно было пересчитать по пальцам – в основном в команде играли девчонки из «Уралочки».

Первый мой выезд за границу с молодежной сборной был в Румынию. Мы поехали туда играть европейскую квалификацию. Было это почти сразу после Нового года. В новогоднюю ночь в этом пансионате устроили праздник: мы пели, танцевали и вообще развлекали друг друга по-всякому. А потом почти сразу отправились в эту поездку. Сыграли удачно, победили. Но когда уходили с площадки, зрители забросали нас всяким мусором. Крышками от бутылок, еще чем-то... В итоге из зала уходили под прикрытием полиции. Даже не знаю, с чем связан такой негатив. Но все равно об этой поездке вспоминаю с теплом. Когда ты впервые в жизни слушаешь гимн своей страны на площадке – это что-то непередаваемое.

Румыния не была первой страной, в которой я побывала. В 14 лет отправилась на детский турнир в Финляндию. Тоже, кстати, на новогодние каникулы. Но организаторы не учли, что в это время все дети празднуют Рождество и Новый год с родными, и в итоге нам не могли найти соперников. Поэтому мы просто катались по экскурсиям. Кроме того, рядом с отелем, где мы жили, располагался горнолыжный курорт. Понятно, что в Советском Союзе вообще мало кто знал, что это такое – инвентарь для горнолыжного спорта. Поэтому нас лыжи не особенно интересовали – купить их или взять в аренду у нас все равно не было денег. Да и зачем, когда есть старые добрые картонки или полиэтиленовые пакеты? Кататься с горки на них не менее интересно, чем на лыжах.

Кстати, на горные лыжи я впервые встала только в декабре 2016 года, уже после завершения карьеры. Понятно, что мои контракты запрещали заниматься видами спорта, где велик риск получить травму.

С «Метаром» мы ездили в Германию и Голландию. Вообще Европа меня, конечно, удивляла и поражала, но самое сильное впечатление произвела первая поездка в Японию. Это был настоящий космос, что-то запредельное, переворот в сознании. Ну и уровень проведения соревнований тогда был на фантастической высоте. Впоследствии к нему никто так и не приблизился.

Меня тогда Николай Васильевич Карполь взял на чемпионат мира со взрослой сборной России. Вписал в делегацию как одного из тренеров. Понятно, что никаким тренером я близко не была – просто Карполь хотел дать почувствовать обстановку большого турнира. Чтобы я поняла, какой он – волейбол мирового уровня. Это было неким поощрением за мою хорошую работу.

Кстати, Карполь заставлял всех игроков вести специальные дневники, в которых описывали свои мысли и тактические соображения после матчей. А также – над чем нужно работать. Вот мои краткие «путевые заметки» во время японского турнира:

«Я приехала на чемпионат мира смотреть и учиться. Что-то нужно запомнить, исправить свои ошибки. В частности, замахи. При замахе локоть нужно поднимать выше, тогда рука не пойдет в сторону и не будет делать лишние круговые движения. При атаке следует не оставлять руку в точке касания с мячом, а продолжать движение, опускать руку вниз. При обманном ударе основными бьющими пальцами кисти являются большой, указательный и средний. На блоке руки чуть согнуты в локтях и отведены назад. Кисти напряжены. Левая кисть развернута к площадке, прыгать на блок от антенны. При подаче руку ставить раньше, а не замахиваться в момент подброса мяча. В защите ноги сгибать раньше, а не во время удара, все время двигаться.

На тренировках терпеть, даже если совсем не можешь и сил не осталось. Потому что это может сказаться на игре в самый ответственный момент: если не готов терпеть на тренировках, значит, не сможешь вытерпеть и во время самых главных матчей.

Принимаю таблетки: рибоксин, панангин».

Наша сборная завоевала в Японии бронзу, уступив в полуфинале китайкам 0:3, а потом обыграв Бразилию с таким же счетом.

«Сегодня, 11 ноября 1998 года, мы проиграли Китаю. Девчонки сдались без борьбы, в трех партиях набрав 17 очков (4, 4, 9). Не было блока, нападения, не могли забить по два, по три мяча подряд. Не было приема, ослабили подачу. А самое главное – и, может быть, самое страшное – не было команды. Единой, дружной, поддерживающей друг друга. Уступив сегодня, теперь будем играть за третье место.

Завтра встречаемся с Бразилией в матче за бронзу. Нужно осмыслить все ошибки и не повторить их. И при этом сам матч с китайками забыть. Мы должны, мы просто обязаны не проиграть бразильянкам. Надо собрать все силы – и физические, и эмоциональные. Играть нужно так, словно от этого зависит все. Собственно, так и есть: от исхода этого матча зависит очень многое. Может же у нас сыграть самолюбие? Для чего мы столько тренировались, проводили сборы, столько терпели? Неужели для того, чтобы в конце концов просто сдаться? И не получить никакой награды за свой труд? Мы начали турнир не хуже Бразилии, ведь у нас в команде столько хороших, поистине талантливых игроков, которые признавались лучшими и в Европе, и в мире».

...Конечно, из всех командировок старалась привезти родным какие-то подарочки и полезные вещи. Помню, из Румынии притащила маме какой-то дефицитный шампунь...

* * *

Первую золотую медаль с молодежкой мы выиграли в 1997 году в Словакии, на чемпионате Европы. Запомнился этот турнир тем, что там же игрался молодежный турнир для мальчиков, которые были старше нас на год. И наши тренеры очень радовались тому обстоятельству, что ребята из российской сборной не живут с нами в одной гостинице. После турнира наставники говорили: «Видите, мы не зря были категорически против вашего общения! Результат на табло, золотые медали – на шеях».

Конечно, без каких-то детских глупостей и баловства с нашей стороны все равно не обходилось. Мы же совсем еще маленькие были. Любили, например, звонить тренерам, а потом бросать трубку. Когда наставникам это надоело, они после одного из звонков, десяти или одиннадцатого по счету, просто сняли трубку и положили ее на тумбочку. В итоге получилось еще интереснее. Тренеры не учли, что нам через снятую трубку слышно все, о чем они говорили между собой в номере. В итоге вся наша сборная уселась в кружок вокруг телефона, и мы передавали его друг другу по очереди. Правда, каких-то особенных сенсаций не слышали...

* * *

Переход в «Уралочку» проходил тяжело. И начался это процесс в том же 1997 году, когда меня взяли на молодежный чемпионат мира. Там и стали звать в Екатеринбург. Разговаривал со мной Юрий Мамаев, который был доктором как сборной, так и главной команды «Уралочки».

Попала в состав я достаточно просто: меня и еще нескольких игроков молодежки младшего возраста перевели в старшую команду. И я являлась для нашего тренера Валерия Кон-

стантиновича Юрьева чем-то вроде счастливого талисмана. Когда на площадке возникала сложная ситуация, он подзывал меня, и я садилась рядом с ним на лавочку... А когда все выправлялось, отправлял обратно к запасным. Мамаев под конец турнира начал шутить: «Да посади ты ее на весь матч рядом с собой, чего гонять туда-обратно».

Игроком основы я не была, выходила на площадку только в полуфинале и финале. В итоге мы завоевали золотые медали. Понятно, что радости было очень много. Тем более турнир складывался непросто. Очень сложный получился матч с китайками в полуфинале, с итальянками в финале...

После того чемпионата мира я сказала, что из «Метара» не уйду. Но в 1998 году снова уезжала в молодежку. Сорогин меня провожал – посадил в автобус и все приговаривал: «Ты только возвращайся к нам обязательно». Я, естественно, искренне собиралась вернуться. Но в молодежке меня снова продолжили уговаривать и в конце концов уговорили.

У меня был сложный период – заболела корью. И неделю должна была сидеть в номере одна-одинешенька. Ко мне никто не мог заходить, чтобы не подцепить вирус. Ну кроме доктора, естественно. Он каждый раз обрисовывал мне будущие светлые перспективы – что в первую сборную можно попасть, только находясь в системе «Уралочки». Иначе никак. Естественно, я об этом постоянно думала. Звонила маме и тете несколько раз, советовалась, как поступить. То есть было очевидно, что для карьеры этот переход необходим, что это единственно возможный и правильный шаг... Но как я смогу после этого перехода посмотреть в глаза Сорогину и девчонкам из «Метара»? В меня поверили, когда я была еще совсем маленькой и ничего толком не умела, на меня делали ставку...

Но в итоге все-таки решилась. При этом Карполь сразу сказал: «Твоя мама должна жить вместе с тобой. В мае 1998-го я переехала в Екатеринбург, лето провела в различных сборных, а в ноябре ко мне перебралась мама. И мы снова стали жить с ней вместе.

Обычный жилой дом, два подъезда. Два этажа одного из подъездов, собственно, и являлись пансионатом «Уралочка». А в другом находились служебные квартиры. В одной из этих квартир мы и поселились.

Глава 4

«Уралочка» и Сидней-2000

Одно из самых ярких воспоминаний этого моего периода жизни – сборы в Алуште. Игроки «Уралочки» рассказывали мне про это место множество страшных баек. Мол, это не курорт, а самый настоящий ад. И все ужасы оказались правдой. Нагрузки действительно предлагались нечеловеческие.

Ни в детском волейболе, ни в «Метаре» я о таких тренировках понятия не имела. Приходилось в буквальном смысле слова выживать...

Меня поселили в одну комнату с Леной Василевской, пасующей «Уралочки». Потом она, кстати, стала первой связующей сборной. Когда я приехала в Алушту, она меня первым делом спросила:

– Ты днем спишь?

Я в ответ:

– Нет, никогда.

Она:

– Выжить хочешь?

Я растерялась.

– Хочу, конечно...

– Тогда срочно приучай себя днем спать. Иначе не выдержишь.

Собственно, очень скоро мне уже не нужно было объяснять, насколько полезен и нужен спортсмену дневной сон. Каких-то скидок мне никто не делал. Я просто приходила с утренней зарядки, влезала в чистую форму, чтобы не тратить потом время на одевание, падала на постель и на 45 минут вырубалась. А потом шла на другую тренировку. С другой стороны, после того как ты пережила утреннюю зарядку – считай, уже половина очередного мучительного дня позади... Да, впереди были еще две игровые тренировки, но все-таки при работе с мячами нагрузки были поменьше.

Очень тяжелым упражнением для меня всегда был кросс. В конце 90-х это было 4–6 стадионных кругов по четыреста метров. А в начале двухтысячных Карполь поднял норматив уже до 8–10. Бегать я никогда не любила. Да что там не любила... Правильнее сказать – ненавидела. А тут каждый день начинался в 7 утра пробежкой в несколько километров по стадиону. Причем бежать надо было в хорошем темпе – на круг отводилось не более двух минут. Для меня это стало настоящей пыткой. Когда я стала играть уже за первую сборную и Николай Васильевич говорил: «А теперь пробежка», меня это буквально вышибало из колеи. Пробежка в моем представлении – это что-то легкое, веселое. А те пробежки были мучительной тяжелой работой, это слово к данному виду деятельности не подходило категорически. Думаю, многие девчонки из сборной вспоминают их со слезами на глазах.

Еще в Алуште была дорога вдоль забора по всему периметру нашей базы. С многочисленными перепадами высот и естественными препятствиями. Ее называли «Давкин-стрит». Кажется, это как-то связано с человеком, который данную дорожку придумал. Но у меня это название ассоциировалось в первую очередь со словом «удавиться». По ней тоже нужно было бегать на время.

Еще была специальная дорожка из опилок. На ней прыгали, чтобы поменьше загружать колени...

Но самым страшным упражнением был поход в гору. Ну то есть как – поход. Поход – это когда весело, когда палатки, когда костер и «изгиб гитары желтой»... А это был забег в гору. Называлась она Демерджи, однако в сборной все звали ее Катя. После каждой трени-

ровочной трехдневки у нас обязательным пунктом программы было восхождение на мою тезку. Примерно за час времени нужно добежать, добрести, доползти до вершины.

При этом некоторым девчонкам надевали пульсометры. Чтобы было видно, останавливались ли они по ходу подъема перевести дух. Мы эти приборы называли «сачкометры»...

Как-то мы с Настей Беликовой шли в эту гору и фактически заблудились. Я уже готова была просто сесть и заплакать, но она тянула меня за руку. «Надо продолжать двигаться, а то сачкометры нас выдадут». Ситуация сложилась безвыходная – куда идти непонятно, я вообще идти не могу, ей сачкометр «запрещает» оставаться на месте, а бросить меня одну на горе она, разумеется, не может. Не такой закалки человек. В итоге она, чтобы поднять себе пульс, принялась громко петь песни. И кстати, меня таким образом тоже взбодрила и расшевелила. Мы в итоге добрались до контрольного пункта и, кажется, даже уложились в норматив.

...Вот последние метры спуска с горы – это было настоящее счастье! Потому что они означали выходной. Когда от горы нас на автобусе привозили на базу, мы шли к морю и просто ложились в воду у берега. Плавать сил не было – мы просто лежали и пытались прийти в чувство.

...В Алуште очень много отдыхающих и соответственно много экскурсий. Мы, мне кажется, являлись составной частью одной из программ. Во всяком случае, когда мы толпой ехали к точке очередного подъема на Катю, на нашем пути всегда встречались экскурсоводы со своими группами:

– Обратите внимание: это наша знаменитая волейбольная команда «Уралочка», многие игроки которой защищают цвета сборной страны! Они никогда ни с кем не здороваются...

А нам было не до «здорований». Берегли дыхание. И могли думать только об одном: поскорее бы кончился день, и можно будет доползти до своей комнаты.

* * *

При этом желания все бросить на этом этапе у меня уже точно не возникало. Да, приходилось очень тяжело. Но в какой-то момент почувствовала, что втянулась. А тренажерный зал так и вовсе полюбила! Реально очень прикольное ощущение – когда смотришь на свое тело и видишь, как оно день за днем меняется и трансформируется во что-то другое. Находишь мышцы, о существовании которых даже не подозревала. Эдакий «вау-эффект»... Я звонила домой и восторженно рассказывала маме и тете о своих достижениях: какую штангу подняла, сколько раз сделала то или иное силовое упражнение...

Понятно, что я была очень высокой и к тому же продолжала расти, поэтому тренеры подбирали мне небольшие веса. Особенно в толчке штанги. Другие девчонки работали с весом в 50 кг, некоторые даже больше. А моя норма на тот период – 35. Вообще мой максимум в толчке за все время работы с Карполом – 45 кг. Больше он не разрешал поднимать категорически.

В 1999 году я снова стала чемпионкой мира среди молодежи. Причем в этот раз уже стояла в основе и по итогам турнира в Канаде получила приз самой результативной волейболистки. Собственно, именно там местные болельщики дали мне прозвище Game Over. А девчонки примерно тогда же стали называть Гамби – это было созвучно с мишками Гамми из мультфильма.

Если в возрасте на год старше нашими главными соперниками были Италия и Китай, то в этом – Бразилия и Корея. С Кореей вообще отношения были накалены настолько, что до драки в формате «команда на команду» несколько раз не хватало совсем чуть-чуть, маленькой дополнительной искорки. Даже не знаю, какова предыстория этой «вендетты». Но во время матча с ними было немало жестов из разряда «ну, иди сюда» или «держите меня

семеро», криков, эмоций. В итоге кореянкам в полуфинале мы отдали только один сет. А Бразилии в финале – ни одного.

Мне на этом турнире было очень сложно еще и потому, что я в Канаду отправилась из Китая – там принимала участие в Гран-при с первой сборной. Конечно, оказаться в Поднебесной очень интересно. Но времени, чтобы осмотреть какие-то местные достопримечательности, у нас не было. Тем более в команде случилась какая-то эпидемия, и в итоге в Канаду я летела с температурой 39 градусов. А первые тренировки на молодежном первенстве мира проводила... босиком. Стоило надеть кроссовки, ноги тут же сводило судорогами. Доктор Мамаев помог как-то справиться и с этой проблемой, и с последствиями акклиматизации.

То время всегда вспоминаю с оттенком легкой грусти. Это была очень дружная и классная команда. Все переживали друг за друга, поддерживали. Если кого-то из нас вызывали в основную сборную – никто не завидовал, все только радовались и желали удачи.

...Когда мы летели в Канаду, нам сразу сказали: «Вы будете играть на ферме».

Как на ферме? Почему?

Приготовились к худшему, однако реальность оказалась куда оптимистичнее. Милый городок Саскатуан с большой русской и украинской диаспорой. Местные жители регулярно привозили в студенческий кампус, где мы жили, огромные кастрюли с домашним борщом, еще какие-то вкусности.

А потом мы выяснили, что Канада – совершенно не деревня. Потому что, как узнала одна из девчонок нашей команды Оля Чуканова, в том самом зале, где мы играли, незадолго до этого выступали Backstreet Boys. А такая группа не станет давать концерт в деревне...

Как-то мы пошли гулять и неподалеку от местного университета сфотографировались с местными ребятами. Это была студенческая команда то ли по регби, то ли по американскому футболу. На следующий день эти фото были чуть ли не во всех канадских газетах... Вообще волейбол в Канаде любят. Мы-то думали, там всё, кроме хоккея, за спорт не признают. А канадцев на трибуны приходило много, и они создавали очень хорошую и доброжелательную атмосферу.

Был там один забавный случай. В зале флаги стран-участниц висели вдоль одной из стен. А во время исполнения гимна на построении команд на другой, противоположной, стене включался большой монитор. И показывал картинку с флагом. Естественно, мы поначалу смотрели на этот экран. Но после первого матча нам Мамаев сказал: «Девчонки, как же так, вы во время гимна стоите спиной к настоящему флагу своей страны!»

И на следующий день во время этой церемонии все 12 девочек нашей сборной, как взвод солдат, во главе с доктором синхронно развернулись на 180 градусов от экрана и стали «есть глазами» флаг России. Организаторы в панике: что случилось? В итоге после матча с нашим штабом долго беседовали люди из оргкомитета, и перед последующими матчами мы снова слушали гимн, разглядывая флаг на мониторе.

Ощущения того, что мы находимся в каком-то другом мире, не было. Все-таки это не Япония. Конечно, отличий от России много. Конфеты какие-то другие, даже еда на вкус иная. Но это такие маленькие отличия... Как в одном из диалогов из «Криминального чтива», когда герой рассуждает об отличиях между США и Европой.

...Понятно, что когда ты находишься в эпицентре событий, победа воспринимается немного по-другому, чем когда просто аплодируешь партнершам. Но я и за два года до этого тоже принимала непосредственное участие в двух решающих поединках молодежного чемпионата мира, хотя, конечно, мой итоговый вклад в победу оказался куда меньше. В любом случае радости в обоих случаях было очень много.

По приезде нас много хвалили, говорили, что мы молодцы, выполнили задачу. Непосредственно в Канаде наш тренер Виктор Николаевич Бардок наградил тем, что на банкете разрешил есть торты и пирожные в неограниченном количестве. И запивать все это кока-

колой. Ну то есть не он разрешил, а мы сами себе разрешили, прикрываясь золотыми медалями. На протяжении всего турнира сладкое было под запретом, нас ежедневно взвешивали... А тут сказали доктору Мамаеву: «Имеем право!»

А вот каких-то призовых за победу не полагалось. Они выдавались только за победы с первой сборной.

* * *

За нее я в тот год тоже выступала параллельно с игрой за молодежку. Каких-то принципиальных отличий между молодежной и главной командами не было. Тренировки одни и те же, требования к дисциплине в жизни и на площадке тоже. Никаких послаблений или поблажек более юным девчонкам или, наоборот, самым заслуженным ветеранам не существовало. Все пахали наравне.

В те времена у меня вообще не было времени на какие-то увлечения. Главным хобби стал сон. Компьютерных игр не было, ноутбуков тоже. Кто-то читал, кто-то вязал, кто-то музыку слушал... Я всегда очень любила рисовать, но сил на это почти не оставалось. В той же Алуште на сборах самым большим развлечением было после ужина прогуляться по набережной, дойти до почты и позвонить домой. А, ну конечно, еще втихаря купить трубочку со сгущенкой, чтобы никто из тренеров, не дай бог, не заметил. Съесть ее и потом провалиться в сновидения...

Когда Наташа Сафронова привезла себе из Японии компьютер – это стало настоящей сенсацией. Все к ней ходили в номер, пытались в нем разобраться. А потом нас в 2000 году перед Олимпиадой отправили на так называемый «восстановительный сбор» в Израиль. Кому-то из более опытных девчонок разрешили полететь вместе с мужьями и родителями. Но для нас, «молодняка», это был «отдых» в кавычках. Нас даже расселили по комнатам не так, как мы хотели, а исходя из каких-то тренерских соображений. Чему, естественно, все «юные таланты» были не слишком рады...

Наш с Настей Беликовой отдых заключался в том, что мы приходили к Наташе, забирали у нее этот компьютер и садились собирать пасьянс «Косынка». А ее отправляли на балкон читать интересные книги...

На этом сборе Карполь организовал нам экскурсию по Иерусалиму. Но она прошла в режиме «быстрой перемотки» – то, что другие туристы слушают и осматривают три дня, мы вынуждены были «проглотить» всего за день. Времени было не слишком много, а, конечно, хотелось посмотреть все самое интересное. Не считаю себя религиозным человеком – правильнее будет сказать, что я человек верующий. И вживую увидеть эти легендарные места было очень любопытно...

При этом верилось, что это нам поможет на Олимпиаде в Сиднее. Мы даже записки на Стене Плача оставляли. Правда, потом выяснили, что существует разделение стены на две секции – одна для женщин, другая для мужчин. Нам тогда об этом никто не сказал, и я сильно подозреваю, что мы воткнули свои записочки в «неправильном» месте. В любом случае нам было гораздо удобнее, чем остальным верующим. Внизу эти записочки буквально некуда было приткнуть. Ни одной свободной щели. А мы же гораздо выше и могли дотянуться наверх, до свободных отверстий.

* * *

В 1999 году я за все лето вообще ни разу не побывала дома – поочередно находилась в расположении сразу трех сборных: студенческой, молодежной и первой. Уехала в мае и вернулась только в сентябре, после взрослого чемпионата Европы. Собственно, та золо-

тая медаль континентального первенства стала для меня первой в главной национальной команде.

Конечно, этот период был сложным с точки зрения не только «физики», но и психологии. Команды возвращались с турниров, и игроки разъезжались по домам отдохнуть, а я летела на следующие соревнования уже с другими девчонками. И так несколько раз в течение лета.

Сейчас даже сложно выделить какой-то конкретный момент, когда я стала игроком первой сборной. Молодежка и основа тренировались вместе и в Алуште, и на базе «Уралочки». И молодых игроков часто подключали к занятиям первой команды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.